

Теория речевых жанров: социопрагматический аспект

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ, КОНСТАНТИН Ф. СЕДОВ
(Саратов)

Последние два года отмечены значительным повышением активности исследователей речевых жанров (см. работы: Баранов 1997; Гольдин 1997; Дементьев 1997; 1998; Матвеева 1996; Орлова 1997; Седов 1997; 1998; Федосук 1997; Шмелева 1997). Очень плодотворным стало взаимодействие жанроведения со смежными дисциплинами – прагмалингвистикой, стилистикой, риторикой, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией, лингвистикой текста. Можно сказать, что в России сформировалось несколько центров (Москва, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Новгород, Омск, Саратов), где последовательно и весьма успешно осуществляется описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ. В Саратове вышел первый выпуск сборника *Жанры речи*, в котором приняли участие исследователи из всех названных центров изучения РЖ.

В настоящей статье раскрывается *социопрагматический* аспект теории речевых жанров, представляющий собой, по мнению авторов, современное развитие магистральной линии жанроведения, намеченной М.М. Бахтиным. Для выявления специфики данного аспекта мы предлагаем кратко рассмотреть развитие жанроведения в России в традиционной семиотической парадигме “семантика–синтактика–прагматика”, которая, на наш взгляд, является более адекватной, чем, например, парадигма, предлагаемая Т.В. Шмелевой. По мнению Т.В. Шмелевой, в русистике изучение РЖ развивалось в направлении к современному подходу, который “исходит из того, что

РЖ – это особая модель высказывания” и, “как представляется, в максимальной степени соответствует идеям М.М. Бахтина”, от **лексического** (предполагающего “обращение к именам жанров, толкованию их семантики) и **стилистического** (“он согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов в аспекте их жанровой природы, включая композицию, отбор специфической лексики и т. п.”) (Шмелева 1997: 91). Мы полагаем, что хотя данные три направления (или этапа) действительно существовали, точка зрения Т.В. Шмелевой страдает по крайней мере одной неточностью. Дело в том, что концепцию речевого жанра М.М. Бахтина, по-видимому, нельзя понимать как модель инвариантно-вариантного типа.

1. Синтактика речевого жанра

Синтактика речевого жанра изучена в наибольшей степени (хотя еще недостаточно). Это вполне объяснимо. Именно “композиция РЖ” (которая, согласно Бахтину, является “определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к речевого общения” (Бахтин 1979: 242) традиционно считалась важнейшим аспектом РЖ.

Современное понимание синтактики речевого жанра опирается на бахтинскую теорию первичных и вторичных речевых жанров. В современном жанроведении эта идея породила по крайней мере три различных направления. Первое направление, наиболее близкое по духу к идеям Бахтина, понимает вторичный РЖ как онтологически производный от первичного. Вторичный РЖ отличается от первичного сфера функционирования, или стилистическая обработка (ср. Орлова 1997). Второе направление связывает первичные и вторичные РЖ с уровнями абстракции текстовой деятельности. Третье направление понимает вторичный РЖ как тип текстов, прежде всего диалогических, структурным элементом которых выступает первичный РЖ (речевой акт). Таким образом, для осмысления синтактики РЖ особенно плодотворно третье направление.

Как известно, композицию РЖ Бахтин понимал как монологическую, хотя и пронизанную диалогическими обертонами (Бахтин 1979: 243-244). Уже последователи Бахтина, развивая его идею “вечного диалога”, стали рассматривать РЖ как диалогическое единство (Wie-

gzbicka 1983). В этом случае “первичные РЖ” выступают в роли структурных элементов диалогического единства, действительно переосмысливаясь в его целом.

В синтактике речевого жанра также активно используются достижения современной лингвистики текста, в которой РЖ обычно понимается как системно-структурный феномен, представляющий собой сложную совокупность многих речевых актов, выбранных и соединенных по соображениям некой особой целесообразности и относящихся к действительности не непосредственно, а через РЖ в целом.

По мнению А. Вежбицкой, популярность теории речевых актов (например, по сравнению с идеей “языковых игр” Л. Виттгенштейна) связана с аксиоматичным признанием существования какого-то, возможно, конечного набора речевых актов – “маленьких и разнообразных единиц, близких традиционным объектам языкознания” (Wierzbicka 1983: 102). Выбор структурных элементов РЖ из этого набора соотносим со “стилем РЖ” Бахтина. Сейчас существует довольно много классификаций РА, построенных на различных основаниях. Наиболее распространенным является иллокутивно-перформативный критерий, впервые примененный в ставшей классической типологии Дж. Остина (1986). К классификациям, основанным на других критериях, относятся, например, таксономии Дж. Лича (Leech 1983), Т. Баллмера и В. Бренненштуль (Ballmer, Brennenstuhl 1981), У. Стайлза (Stiles 1981). Интересно, что последние две классификации, учитывающие адресата высказываний, являются таксономиями единиц речевого не действия, но взаимодействия, т.е. имеют дело с последовательностями (хотя бы на уровне последовательности “стимул-реакция”) и объясняют не только парадигматику, но частично и синтагматику РА как структурных элементов РЖ.

Изучением закономерностей “вынуждения” появления РА (предыдущим(и) РА, собственной прагматической валентностью, контекстом ситуации, а также социальными и психологическими мотивами каждого из коммуникантов) занимались многие исследователи – например, Т.А. ван Дейк (понятие “текстового структуратора”) (1989), А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин (“минимальная диалогическая единица”) (1992: 82-84). В.Г. Гак, разработавший учение о “номинационной цепочке” (1972), и исследователи

семантической когерентности текста (в том числе разговорного) из бывшей ГДР (Harweg 1968; Viehweger 1976) опираются на понятия “пресуппозиция”, “контекст”, “семантическое сходство” (часто тождество) и “отражение” высказываний в тексте, “анафора”, “изотопия”, “тематическая петля”, “подтема”. Существует обширная литература о тема-рематическом развитии диалога, опирающаяся на идеи В. Матезиуса. Изучением тематических прогрессий занимаются Л.Н. Мурзин (1994: 31), О.Н. Селиверстова и Л.А. Прозорова (*Теория функциональной грамматики* 1992) и др.

Перечисленные модели порождения текста являются моделями “горизонтального” типа, обеспечивающими, главным образом, **связность** речевых произведений. Концептуально ближе к идее РЖ (фрейма) “вертикальные” модели (Одинцов 1980; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Дейк ван 1989), обеспечивающие **цельность** текста. Коммуникант вначале “выбирает” определенный РЖ, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус “своих” РА и некоторые “предписания” относительно их последовательности. Таким образом, коммуникант отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели РЖ наборов (классов) средств, объединенных общностью (прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра – обязательные и факультативные речевые акты, порождающие и непорождающие и т.д.

То, что категория цельности является центральной текстовой категорией, кажется очевидным, однако в лингвистике текста она начинает систематически рассматриваться, как известно, сравнительно недавно. “Вертикальные” связи, модели и глобальная цельность текста получают настоящее освещение, как правило, только при коммуникативно-прагматическом подходе: хотя понимание текста как структурно-синтаксической или семантической организации не исключает вертикальных связей, например, “архитемы” или синтаксического типа, в центре внимания тогда оказываются все же преимущественно “горизонтальные” связи. Хотя вертикальные связи, опирающиеся на категорию *модели*, – это по преимуществу “синтактика”, а не прагматика речевого жанра, данный подход к исследованию структуры РЖ примыкает к прагматике. А.Г. Баранов предлагает иерархию моделей, аранжированных по степени убывания

абстрактности: *текстотип, суб-тип, жанр, когнио-тип, текст* (1997). А. Вежбицка говорит о “речевом жанре”, “речевом акте”, “иллокутивном компоненте” (Wierzbicka 1983: 109). М.Ю. Федосюк выделяет “элементарные” и “комплексные” жанры (1997: 104), Ст. Гайда и А.Г. Баранов – “простые” и “сложные” (Gajda 1991: 73-74; Баранов 1997).

Итак, логика подобной терминологической дифференциации жанровых форм подталкивает к выделению в общем пространстве “жизненных жанров” макрообразований на более высоких, чем в случае “жанра”, уровнях абстракции текстовой деятельности. Это, очевидно, такие речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Такие образования мы предлагаем называть *гипержанрами* (ср. понятия текстотипа А.Г. Баранова). Например, можно выделить гипержанр *застолья*, в состав которого войдут такие жанры, как *тост, застольная беседа* и т.п. С другой стороны, на более низких уровнях абстракции текстовой деятельности следует выделять и соответствующие микрообразования – *стратегии и тактики* внутрижанрового речевого поведения, т.е. общие принципы организации взаимодействия говорящего и слушателя в пределах речевого жанра, предопределяющие вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра (см. главу *Варьирование*).

Таким образом, систематическое рассмотрение “горизонтальных” и “вертикальных” моделей способствует более глубокому осмыслению синтактики РЖ. Тем не менее представлять концепцию речевого жанра М.М. Бахтина как традиционную виртуально-актуальную модель значит, по нашему мнению, серьезно упрощать и обеднять ее.

Напомним бахтинскую концепцию: вначале появляется *замысел* – он определяет, с одной стороны, предмет речи и его границы, предметно-смысловую исчерпанность и сочетается с предметом речи как субъективный момент высказывания с объективным в неразрывное единство – тему РЖ. С другой стороны, замысел обуславливает выбор жанровой формы: “Этот выбор определяется спецификой данной сферы речевого общения, предметно-смысловыми (тематическими) соображениями, конкретной ситуацией речевого общения, персональным составом его участников и т.п.” Затем происходит обратное влияние: замысел сам корректируется избранным жанром, “складывается и развивается в определенной

жанровой форме”, в результате этого взаимного влияния формируются стиль и композиция. Наряду с этим моментом существует второй – экспрессивный, т.е. “субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания”. Он также оказывает влияние на стиль и композицию (Бахтин 1979: 256-264).

Думается, здесь следует упомянуть “лингвистику языкового существования” Б.М. Гаспарова, который является убежденным противником того, чтобы считать концепт модели адекватным способом представления языковых образований. По мнению Гаспарова, речевой материал оформляется отнюдь не по принципу “виртуальная схема – ее реализация”: должен существовать особый, принципиально иной “контролирующий механизм, который позволял бы упаковывать разрастающуюся языковую ткань в ... целостную конфигурацию”. Гаспаров формулирует ряд требований, которым должен отвечать данный механизм: главное, он не должен быть независимым от оформляемого речевого материала, его содержания и коммуникативного тонуса. Для этого он должен включать три составные сущности: ритмико-интонационный образ (который позволял бы складывать в динамическое целое все интонационные повороты и акцентные точки); опорные выражения (поскольку именно они делают “коммуникативный контур высказывания” не абстрактной / виртуальной схемой, а вполне конкретным эскизом конкретного высказывания); композиционные лакуны (принципиальное отличие которых от “пустых позиций” в синтаксической схеме заключается в том, что лакуна, так сказать, очень явно подразумевает, что в ней “будет”. Лакуна – это не пустая позиция, которая может быть заполнена фактически любым подходящим по форме материалом, а просто не вполне воплощенные, размытые коммуникативные фрагменты. Лакуне чуждо твердое различие между “заполненностью” и “незаполненностью”) (Гаспаров 1996: 191-197). Примечательно, что, по мнению Гаспарова, этим требованиям не отвечают структурная и генеративная модели, зато отвечает бахтинское “высказывание”.

Отметим, что многими последователями М.М. Бахтина все чаще высказывается сходная идея, что, если говорить об исходных теоретических представлениях классической теории речевых (коммуникативных) жанров, а не ее лингвистической интерпретации,

то базовым концептом следует считать не понятие модели, а речевого (коммуникативного) события или типичной ситуации.

Рассмотрение отдельных аспектов РЖ, в том числе синтактики может быть осуществлено только после того, как будет принято адекватное определение РЖ, не наоборот. Определение РЖ, данное с позиций его синтактики, каковым является подробно рассмотренное модель-ориентированное определение РЖ, представляет собой “лингвистическую” интерпретацию, а значит, огрубление концепта РЖ. Забегая несколько вперед, отметим, что и определение РЖ, данное с позиций его семантики, является также лингвистическим.

2. Семантика речевого жанра

Семантика речевого жанра представляет собой относительно хорошо разработанное направление жанроведения. Исторически именно с обращения к именам жанров, толкования их семантики начиналось изучение РЖ. Здесь важнейшим аспектом РЖ считается *тема*, а точнее – опять-таки лингвистическая интерпретация “темы РЖ” М.М. Бахтина. По мнению Т.В. Шмелевой, лексическое изучение речевых жанров следует считать уже в известном смысле пройденным этапом жанроведения, поскольку “одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований” (Шмелева 1997: 91). С другой стороны, в этой области также нельзя отрицать существования целого ряда значительных достижений.

А. Вежбицка моделирует каждый жанр “при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего”, опираясь на собственную теорию семантики элементарных смысловых единиц (Wierzbicka 1983: 106). По мнению А. Вежбицкой, возможно описание целого РЖ через один конституциональный речевой акт – в этом случае, конечно, нельзя претендовать на абсолютно точные результаты исследований, но зато сами исследования чрезвычайно упрощаются. Определяемая А. Вежбицкой “глубинная структура” речевых жанров есть не что иное, как характеристика одного конституционального речевого акта. В результате хорошо определяется тема РЖ, лишь частично – стиль и чрезвычайно редко – композиция.

В статье В.Е. Гольдина *Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи* (1997: 23-34) типы речевых жанров выделяются в связи с такими типизированными языком формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок. “Наиболее естественно, – пишет В.Е. Гольдин, – связывать категорию жанра с категорией ситуации как формы, структуры события” (1997: 32). Основа речевого события – речевой процесс или действие, поэтому можно говорить об *ответе, разговоре, беседе, извинении, объяснении, споре, ссоре* как об именах речевых жанров. Слова типа *победа, поражение, успех, достижение, рекорд, провал, промах, измена, шалость, проказа, подвиг*, с помощью которых говорят о событиях, сами именами событий не являются. (Ср.: **во время подвига, *в момент измены, *в конце победы*). Главное в содержании этих имен – характеристика, оценка, причем оцениваются и именуются не сами конкретные действия, а воплощенные в них **поступки**.

Активно и весьма успешно описывая названия речевых жанров, М.Ю. Федосюк тем не менее отмечает, что направление, при котором вместо конкретных высказываний, принадлежащих речевым жанрам, исследуются слова, являющиеся, по мнению исследователей, наименованиями данных жанров, а анализ специфических особенностей каждого из жанров, как правило, заменяется анализом семантики или классификации таких, например, существительных, как *вопрос, просьба, жалоба, спор* или *ссора*, представляет собой начальный этап в изучении речевых жанров, поскольку лексические значения существительных речевой деятельности ориентированы на отражение самых разных характеристик обозначаемых высказываний, а главное – на разные виды интерпретации и оценки этих высказываний наблюдателем (Федосюк 1997: 115).

Перечисленные авторы объединяются нами в одну условную группу на том основании, что все они – “семантические жанроведы”, все они имеют целью своих усилий анализ семантики речевых жанров и все они имеют целью (хотя бы промежуточной) анализ лексики. Расходятся они в основном в том, сколько существует жанров, какие типические речевые формы следует, а какие не следует считать речевыми жанрами.

Так, М.Ю. Федосюк полагает, что названиями речевых жанров не могут быть существительные *ссора, угроза, придирка, похвальба* (и вообще все такие, семантика которых отражает не вполне

благовидную цель). По мнению М.Ю. Федосюка, и комплимент не может считаться речевым жанром, поскольку “осознанное оформление некоторого высказывания как речевого произведения, заслуживающего подобной квалификации”, было бы равносильно утверждению “о возможной неискренности оценки” (в отличие от похвалы) (1997: 113). С данным положением довольно трудно согласиться.

“Не вполне благовидную цель” имеют прежде всего дисгармонические речевые жанры. Перформативных глаголов для выражения этих жанров, конечно, нет и не может быть. Не имеют перформативных глаголов, впрочем, практически все фатические речевые жанры – не потому, что это не речевые жанры, а потому, что это – **косвенные** речевые жанры. Не считать их речевыми жанрами, по нашему мнению, нет причины. Каждый носитель языка без труда может представить себе ситуацию, когда один собеседник хвалится, а другой завидует или хвалится сам, когда один произносит комплимент, а другой с удовольствием его принимает, когда один угрожает, а другой по этой причине уступает. Нисколько не менее естественной является ситуация флирта и произнесения косвенных комплиментов. Это типические ситуации общения, а значит, речевые жанры, понимаемые не как модели инвариантно-вариантного типа, по которым строит свои речевые действия один говорящий, а как внутренняя форма коммуникативного события, жанры “языкового существования”. Понимание жанров по М.М. Бахтину как относительно устойчивых в тематическом, композиционном и стилистическом планах высказываний, а высказываний – как единств, образуемых слиянием “своего” и “чужого” голосов, а также вербального и невербального контекста ситуации речевого общения, наиболее точно соответствует данному случаю. М.Ю. Федосюк фактически отказывает в праве на существование косвенным речевым жанрам, с чем нам также очень трудно было бы согласиться.

К “семантике РЖ” следует отнести и традиционный компонентный анализ (традиционный для семантики, откуда он потом был перенесен, с одной стороны, в морфонологию, с другой стороны, в прагматику, лингвистику текста и жанроведение). Методика компонентного анализа активно применялась в этнографии речи, однако в последнее время сфера применения дескриптивной модели значительно сузилась. Методика компонентного анализа как будто окончательно уступила

свои позиции динамическим моделям и моделям полевого типа. В работах (Шмелева 1997; Федосюк 1997), однако, данная методика получает новое развитие, как нам представляется, на более высоком уровне. В качестве модели описания и систематизации речевых жанров предлагается "анкета" речевого жанра. Эта анкета включает семь пунктов: "коммуникативная цель жанра"; "концепция автора"; "концепция адресата"; "событийное содержание"; "фактор коммуникативного прошлого"; "фактор коммуникативного будущего" и, наконец, "языковое воплощение" (Шмелева 1997). Конечно, "анкету речевого жанра" нельзя понимать как механическое перенесение методики компонентного анализа из этнографии речи в жанроведение. Данная "анкета", имеющая первым пунктом "коммуникативную цель", в значительной степени пересекается с иллокутивно-перформативным критерием, а значит, прагматикой РЖ. Так, на данном основании Т.В. Шмелева выделяет четыре класса РЖ: информативные, императивные (содействуют осуществлению событий реальной действительности: *просьбы, советы* и т.д.), этикетные, или перформативные (формируют события социальной действительности: *приветствия, поздравления* и т.д.), оценочные (Шмелева 1997: 91-92). Следует отметить, что в типологии Т.В. Шмелевой противопоставлены, в сущности, только "информативные" и "оценочные" РЖ (любой РЖ не может не быть одновременно и перформативным, и императивным, поскольку любой РЖ осуществляется одновременно и в сфере социальной, и в сфере реальной действительности), что совпадает с противопоставлением информатики и фатики.

Иллокутивное, или иллокутивно-перформативное, направление является одним из наиболее разработанных критериев типологии речевых жанров (как и типологий речевых актов, о которых мы говорили в разделе о синтактике РЖ). Так, в пятичленной типологии Н.Д. Арутюновой выделяются: д-1 информативный диалог, д-2 прескриптивный диалог, д-3 обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (спор, дискуссия), д-4 диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений, д-5 праздноречевые жанры (1992: 53-55). Однако выявить все многообразие отношений взаимозависимости и динамических переходов, существующих между отдельными жанрами, с помощью одного критерия довольно трудно.

3. Прагматика речевого жанра

Определяя социопрагматический аспект жанроведения, мы сознательно объединяем два разных значения термина прагматика. В первом значении – традиционном – прагматика понимается как та часть семиотики, которая характеризуется “отношением знака к говорящему” (Ч. Пирс, Ч. Моррис). На подобном понимании прагматики основана интеграция теории речевых жанров и теории речевых актов – в последнее время генетическое родство этих теорий утверждается все чаще (см.: Wierzbicka 1983: 101; Шмелева 1997: 92). Кроме того, вполне традиционно понимаемая “прагматичность” усматривается в бахтинском определении “высказывания” (данного им в работе *Проблема речевых жанров*), которое обычно просто отождествляется с “речевым актом” Дж. Остина (Бахтин 1979: 247-254).

Второе понимание прагматики более условно. Мы предлагаем считать прагматическими антропологические, лингвокультурологические, диалогические, контенсивные аспекты бахтинской философии, частью которой – лишь частью! – является теория речевых жанров. Данное допущение призвано показать отличие нашего подхода к изучению речевых жанров от традиции, которая начинает складываться в современной науке (М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева и др.) и которую (поскольку она не характеризуется прагматичностью в этом втором смысле) мы определяем как преимущественно лингвистическую интерпретацию идей Бахтина. В семиотической парадигме “семантика-синтактика-прагматика” данное “лингвистическое” направление достаточно убедительно может быть охарактеризовано либо как по преимуществу “семантика”, либо как “синтактика”. Присоединение к слову прагматический *социо-*означает, что язык рассматривается не только в связи с “человеком говорящим”, но непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры. Правомерность допущения, лежащего в основе такого объединения, подтверждается тем, что прагматика создавалась как принципиально “наиболее человеческая” личностно-ориентированная и наиболее связанная с действительностью внешнелингвистическая дисциплина. Привнесение в лингвистический научный аппарат личности коммуниканта

существенно обогатило лингвистику, наметив плодотворное взаимодействие и взаимопроникновение ее с “антропологическими” дисциплинами в рамках новой науки – прагмалингвистики.

Очевидно, что дальнейшее развитие жанроведения невозможно без настоящего осмысления наследия М.М. Бахтина. Особая трудность связана с тем, что не всегда ясно, когда нужно, отталкиваясь от Бахтина, идти вперед, а когда – возвращаться к нему: например, с большим трудом удается составить из упоминаемых в разных работах Бахтина речевых жанров что-то вроде таксономии РЖ. Нуждается в глубоком осмыслении идея первичных и вторичных РЖ. Обращение же современных языковедов к исследованиям М.М. Бахтина, как правило, строго дозируется: работы, в которых традиционные лингвистические проблемы не затрагиваются, игнорируются. В ряде работ последнего десятилетия, посвященных проблемам речевых жанров, имеет место, как нам представляется, некоторая теоретическая ограниченность, вызванная излишней лингвистичностью сознания исследователей явлений живого общения. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре. А статья о жанрах – один из аспектов этой философии. Рассмотренная в отрыве от других работ, она не дает полного представления о сути понимания природы жанров Бахтиным и содержит противоречия, на которые совершенно справедливо указал М.Ю. Федосюк (1997). Изучение жанровой структуры речевого поведения требует от языковедов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых различных его проявлениях.

Сейчас, на наш взгляд, ничто не мешает *возвращению* Бахтина. Прделана огромная подготовительная работа. Активные архивные, текстологические, биографические разыскания исследователей-бахтинистов сыграли большую роль в развитии жанроведения в России. Результатом этой работы стали выходящее сейчас пятитомное собрание сочинений М.М. Бахтина под редакцией С.Г. Бочарова и Л.А. Гоготишвили, серия книг *Бахтин под маской*, *Бахтинские сборники* и другие издания московского издательства “Лабиринт” под редакцией И.В. Пешкова и В.Л. Махлина, а также журнал “Диалог. Карнавал. Хронотоп”, выходящий в Витебске под редакцией Н.А. Панькова.

М.М. Бахтин работал над созданием и совершенствованием теории речевых жанров – социопрагматического жанроведения – видимо, на протяжении всей жизни. Однако уже в конце 20-х годов Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. “Словесный компонент поведения, – писал он в одной из своих ранних книг, – определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни” (1927: 85). Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и, в том числе, словесном) взаимодействии людей – общественной психологии. М.М. Бахтин считал, что “общественная психология – это и есть прежде всего та стихия многообразных *речевых выступлений*, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества: кулуарные разговоры, обмен мнений в театре, на концерте, в различных общественных сборищах, просто случайные беседы, манера словесного реагирования на жизненные и житейские поступки, внутрисловесная манера осознавать себя, свое общественное положение и пр. и пр. Общественная психология дана по преимуществу в разнообразнейших формах “высказывания”, в форме маленьких речевых жанров, внутренних и внешних, до сих пор совершенно не изученных” (1929: 23-24).

Жанры разговорной речи Бахтин относил к области “жизненной, или житейской идеологии”. Он подчеркивал, что в этой сфере “жанровое завершение (...) отвечает случайным и неповторимым особенностям жизненных ситуаций. Об определенных типах жанровых завершений в жизненной речи можно говорить лишь там, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения. (...) Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории и, следовательно, определенным репертуаром маленьких житейских жанров. Всюду житейский жанр укладывается в отведенное ему русло социального общения, являясь идеологическим отражением его типа, структуры, цели и социального состава” (Бахтин 1929:

106-107.) Следуя духу концепции ученого, мы определяем речевой жанр как *вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей*. Главное, что подчеркивает данное определение – это первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра.

Определив для себя направление дальнейших исследований, авторы видят свою задачу-максимум в последовательном развитии прагматики речевого жанра – диалектического, междисциплинарного направления жанроведения, опирающегося как на категорию модели, так и на категорию первичных и вторичных речевых жанров. Данное направление может быть названо как традиционным термином *прагматика* (используемым авторами), так и, например, термином *антропологическая лингвистика, социокоммуникативная стилистика* (Винокур 1993: 22). В этом отношении показательно появление ряда работ, в которых данные положения уже в значительной степени учтены (см. работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежибцкой, В.Е. Гольдина, Т.В. Матвеевой, Н.В. Орловой). Остановимся на двух проблемах, наиболее актуальных для социопрагматического жанроведения, – типологии РЖ и внутриянрового варьирования.

4. Типология речевых жанров

Первые серьезные попытки построить типологию РЖ были предприняты уже не самим Бахтиным, а его последователями. Как известно, Бахтин по этому поводу писал: “номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры” (1979: 259). С другой стороны, мысль о построении типологии речевых жанров не оставляла его на протяжении всей жизни. В архивных записях к “Проблеме речевых жанров” читаем: “Классификация речевых жанров: 1) диалогические и монологические, 2) первичные и вторичные (специализированные и конструктивные). (...) Несущественность деления на разговорные и книжные жанры” (1996: 235).

Для построения типологии РЖ необходимо адекватное основание классификации, на роль которого, как нам представляется, успешно могло бы претендовать предложенное Т.Г. Винокур (1993) противопоставление двух полярных речевых замыслов – “фатика” и “информатики”. “Фатика” понимается Т.Г. Винокур как вступление в

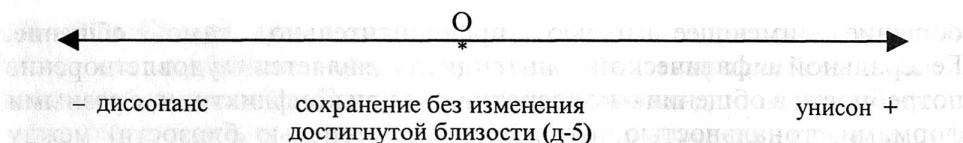
общение, имеющее целью предпочтительно само **общение**. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении – кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами. “Информатика” понимается как вступление в общение, имеющее целью **сообщение** чего-либо.

Каждый из этих двух, наиболее общих, коммуникативных замыслов “задает” набор более частных коммуникативных интенций. Если придерживаться распространенной точки зрения, что отдельную интенцию можно приравнять к отдельному коммуникативному / речевому жанру, то тогда информативный замысел лежит в основе всех информативных РЖ, фатический замысел – фатических РЖ. Примем это за основу типологии РЖ.

Теперь мы можем подробнее рассмотреть группы информативных и фатических РЖ. Каждая из этих двух групп жанров в отдельности изучена лучше, чем типология РЖ в целом (хотя также недостаточно), при этом информативные РЖ исследованы лучше, чем фатические. Относительно последних (ФРЖ) общепризнанным положением является, пожалуй, лишь то, что все жанры фатической речи можно расположить на шкале межличностных отношений, или шкале А.Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснений отношений)¹. Рассмотрим поэтому подробнее группу ФРЖ.

По нашему мнению, противопоставление с целевой точки зрения “д-4” и “д-5” Н.Д. Арутюновой (см. выше) малоинформативно, поскольку жанры д-4 и д-5 обнаруживают очень большое сходство. Все истинное содержание этих жанров составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов (остальное можно понимать как косвенность). Определение “не имеющие непосредственной цели” не вполне корректно: жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения, а именно: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А.Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы:

¹ См. работы Н.Д. Арутюновой, А.Р. Балаяна, Т.Г. Винокур, В.В. Дементьева, Т.В. Матвеевой и др.

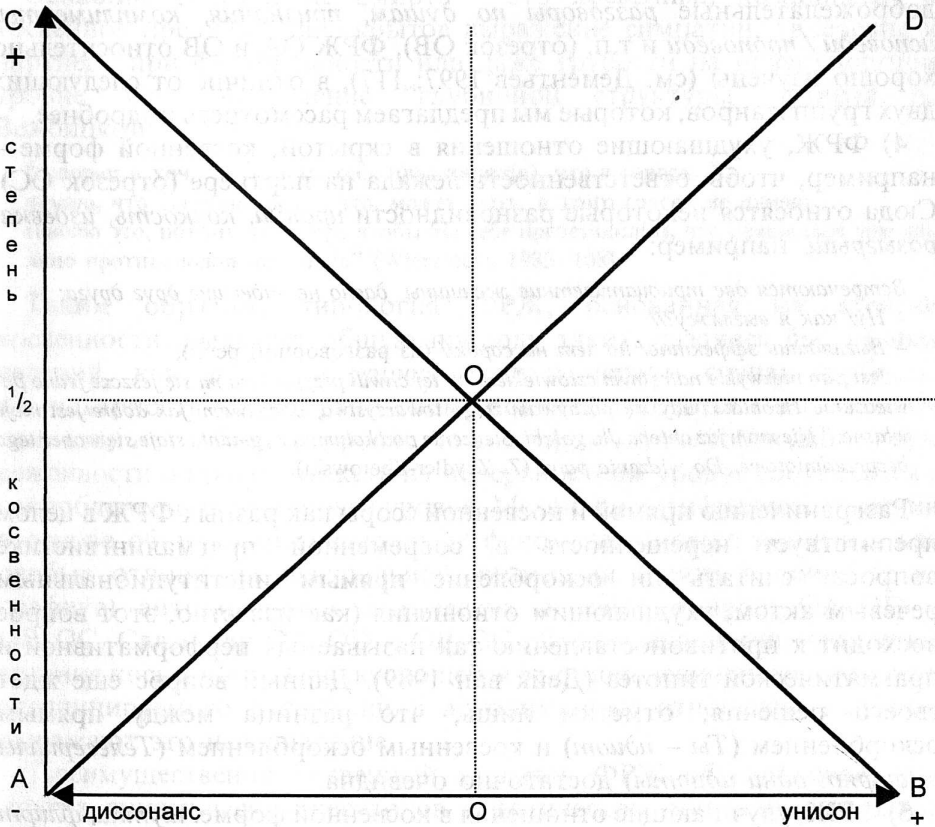
Установив после объединения д-4 и д-5, что сущность ФРЖ связана с потребностью в наличии или в изменении ситуации общения (интегрирующий признак), примем в качестве дифференцирующего признака степень косвенности. Значение этого признака для фатических речевых жанров очевидно. Еще Бахтин писал: “речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутливо-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутливой эпитафии)” (1996: 192). Т.Г. Винокур вплотную подошла к пониманию типологической роли косвенности в фатической речи: “для фатической речи характерно опосредованное выражение генеральной интенции (т.е. вступления в контакт) через частную интенцию, выражаемую содержанием продуцируемого высказывания” (1993: 12).

Итак, мы предлагаем типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А.Р. Балаяна. Все известные нам фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (граф. с. 69).

В точке О находятся все праздноречевые жанры (д-5, согласно Н.Д. Арутюновой): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно 1/2 на шкале степени косвенности. Наличие косвенности в этих ФРЖ несомненно (иначе собеседники могли бы говорить друг другу только “у нас с тобой все хорошо”), в то же время степень косвенности в них не может быть очень большой, так как в *small talk* (в отличие от *флирта*, *розыгрыша*) нет особых причин что-то скрывать.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений: точка А – эксплицитный разрыв, точка В – эксплицитное объяснение в любви. В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения / ухудшения отношений (отрезки ОА и ОВ), это улучшение / ухудшение отношений осуществляется менее эксплицитно, т.е. выше их степень косвенности.

Верхнюю часть графика (отрезки ОС и OD) составляют ФРЖ, улучшающие / ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (OD) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел.

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатики выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ.

1) праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а **сохраняются**, степень косвенности –

приблизительно 1/2 (точка О). Эти ФРЖ наиболее широко описаны в лингвистической и этнолингвистической литературе, литературе по речевому этикету и т.д. (см. Дементьев 1997: 117).

2) ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: *прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры* (отрезок ОА).

3) ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: *доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты, исповеди / проповеди* и т.п. (отрезок ОВ). ФРЖ ОА и ОВ относительно хорошо изучены (см. Дементьев 1997: 117), в отличие от следующих двух групп жанров, которые мы предлагаем рассмотреть подробнее.

4) ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности *иронии, колкость, издевка, розыгрыш*, например:

Встречаются две тридцатилетние женщины, давно не видевшие друг друга:

– Ну/ как я выгляжу?//

– Выглядишь эффектно/ но лет на сорок// (из разговорной речи);

– *Jest pan niezwykle natrętnym człowiekiem. W tej chwili przypomina mi się jeszcze jedno powiedzenie Hebbła: "Gdy się pozbywam złego towarzystwa, odczuwam, jak dobre jest moje własne." Nie tam już chleba dla gołębi. Siedzenie pod kolumną Zygmunta staje się wobec tego bezprzedmiotowe. Do widzenia panu* (Z. Zeydler-Zborowski).

Разграничению прямой и косвенной ссоры как разных ФРЖ в целом препятствует нерешенность в современной прагмалингвистике вопроса, считать ли оскорбление **прямым** институциональным речевым актом, ухудшающим отношения (как известно, этот вопрос восходит к противопоставлению так называемых перформативной и прагматической гипотез (Дейк ван 1989). Данный вопрос еще ждет своего решения; отметим лишь, что разница между прямым оскорблением (*Ты – идиот*) и косвенным оскорблением (*Телесериалы смотрят одни идиоты*) достаточно очевидна.

5) ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка, флирт* (отрезок ОД), например:

– Ну и трепач ты! – весело сказала Настя, глядя в глаза Пашке.

Пашка ухом не повел.

– Откуда ты такой?

– Из Москвы, – небрежно бросил Пашка.

– Все у вас там такие?

– Какие?

– Такие... воображали.

– *Ваша серость меня удивляет*, – сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных загадочных глаз Настя.

Настя тихонько засмеялась (В. Шукшин);

– *Nie wiedziałam, że ty palisz, Taziu.*

– *Zupełnie wyjątkowo, ale czyż nie jest to szczególna chwila, na którą tak długo czekałem?*

(J. Albrecht)

Основное содержание флирта – это косвенный комплимент и косвенное предложение, скрытое выражение симпатии, увлечения к партнеру при фамильярности или даже грубости на поверхностном уровне. Ср. определение “глубинной структуры” флирта А. Вежбицкой:

“говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю Х.

думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола” (Wierzbicka 1983: 108).

Таким образом, типология ФРЖ, основанная на степени косвенности, выявляет общую природу таких, казалось бы, разных явлений, как *флирт* и *ирония*: если в первом случае грубость, фамильярность на поверхностном уровне соотносится с выражением симпатии на глубинном уровне, то во втором случае соблюдение норм вежливости и правил этикета на поверхностном уровне соотносится с оскорблением на глубинном уровне. Механизм антифразиса, лежащий в основе обоих коммуникативных феноменов, можно понимать как особые отношения центральной симметрии (центр в точке О на графике) антонимичных фатических речевых жанров: ОА–ОД и ОВ–ОС. Связь пар ОА–ОД и ОВ–ОС обусловлена самой сущностью явления косвенности (закрывающейся в несовпадении интенционала и эксплицируемого содержания): антонимичные отношения наиболее выражают это несовпадение.

Преимущественно косвенный характер ФРЖ обуславливает ряд других динамических переходов в фатическом общении, например, переход ОС (косвенная конфликтная фатика) → ОА (прямая конфликтная фатика):

– *Bolo trochę za wiele sobie pozwala. Chyba przyznasz...*

– *Ubrał się diabeł w ornat i ogonem na mszę dzwoni... Ty byś też sobie pozwalał, gdybyś miał u niej szansę. Nie zgrywaj się, Eda, na pierwszego cnotliwego!*

Edę aż zamurowało z oburzenia.

– Zawsze musi z ciebie wyleźć złośliwiec... To insynuacja w twoim stylu. Naturalnie. Ale ty uważaj, Jerzy, bo jak ja zacznę bawić się w insynuacje... (R. Jeruta).

Как нам представляется, типология ФРЖ позволяет выявить – хотя бы предварительно – набор обязательных и факультативных структурных элементов отдельного ФРЖ (речевых актов), а также некоторые “предписания” относительно их последовательности, “задаваемые” местом ФРЖ на графике. Прежде всего это касается соотношения прямых и косвенных речевых актов.

Если представить себе, что речевой жанр – это поле (ср.: Федосюк 1997: 108-111), центр его составляют единицы, наиболее явно (то есть прямо) выражающие полеобразующую содержательную категорию. Если же считать полем область фатики в целом, то центр этого поля составляют (это демонстрирует график) ФРЖ *small talk* (хотя, по нашему мнению, правильнее было бы говорить о поле *small talk*, поле отрезка ОА, отрезка ОВ и т.д.). В действительности, однако, все обстоит сложнее: точка О на графике – это степень косвенности “одна вторая”, или, иначе говоря, около половины средств, используемых в *small talk*, должны быть косвенными. Анализ показывает, что в полном смысле прямые, т.е. перформативные высказывания в *small talk* невозможны. Прямые высказывания типа “заходи, поболтаем” с неизбежностью оторваны от актуальной ситуации общения (ср. невозможность **начинаем болтать*). Зато абсолютное большинство РА выражают косвенное значение желания вступить в контакт и желания поддержать добрые отношения. Если говорить о факультативных РА, то их корпус представляет собой огромный конгломерат, не поддающийся исчислению.

Такой ФРЖ, как *разговор по душам* (отрезок ОВ), в гораздо большей степени предполагает использование прямых средств. Обычно конструктивен для ФРЖ прямой РА типа “поговорим по душам” (однако иногда он производит эффект “иллокутивного самоубийства”). С другой стороны, в *разговоре по душам* гораздо больше косвенных РА, чем, например, в *объяснении*. Даже такие РА, как выражение сочувствия, совет, обычно имеют косвенные фатические импликатуры, правда (в отличие, например, от *флирта*) эти косвенные импликатуры редко бывают сильнее, чем прямые. Одной из постоянных импликатур в *разговоре по душам* является косвенное предложение совместной эмоциональной медитации в обстановке

психологического комфорта, доброжелательности и взаимопонимания.

Понятие **динамической структуры** речевого жанра, как известно, впервые встречается у Т. Баллмера и В. Бренненштуль, предлагающих структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов (Ballmer, Brennenstuhl 1981). Согласно Баллмеру и Бренненштуль, взаимодействие в рамках РЖ развивается по схеме “порождение – нарастание до высшей точки – спад до завершения РЖ победой, поражением, сотрудничеством или началом другого РЖ”. Очевидно, что наиболее релевантными для РЖ являются речевые акты начала коммуникации и начала спада напряжения, изменяющие направление и напряжение коммуникации. Назовем их по аналогии с механикой векторами-ускорениями. Несколько примеров векторов-ускорений:

ССОРА: – *Ну и дыра ты! – не выдержал Витька.* (В. Шукшин);

SMALL TALK: – *Zmęczona? – Klient, któremu kończyła właśnie lewą rękę, zadał to pytanie, żeby w ogóle coś powiedzieć* (К. Дębnicki);

ФЛИРТ: – *Może będzie panu trochę samotnie w tak dużym pokoju? – uśmiechnęła się zalotnie wdowa po kawalerzyście* (Z. Zeydler-Zborowski).

Аналогично выделяем РА-векторы, направляющие коммуникацию в русле синтагматики РЖ (нарастание и спад), и РА-“инерцию”, “заполняющие” РЖ при неизменном напряжении коммуникации.

С динамической точки зрения отдельные ФРЖ противопоставляются друг другу значимостью для них элементов динамической структуры:

ФРЖ *small talk* (точка О) в основном состоят из инерции и, можно сказать, ею выражаются. Как правило, есть один вектор-ускорение, векторы встречаются чрезвычайно редко. При *объяснении, флирте, прямой и косвенной score* (ФРЖ отрезков ОА, ОВ, ОС и ОD) главное – векторы, они выражают сущность этих ФРЖ и сообщают обычно довольно высокое напряжение коммуникации. *Разговор по душам* занимает промежуточное положение между *small talk* и *объяснением*: в его структуре много векторов и инерции, но все же, как нам представляется, роль векторов более значительна. Особое положение в системе речевых жанров занимают эксплицитное институциональное соглашение о близости/любви (признание) и эксплицитный институциональный разрыв отношений (ФРЖ точек А и В): 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные

высказывания; 3) это в равной мере фатические и информативные жанры.

Для установления взаимных отношений фатических и информативных речевых жанров примем за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А.Р. Балаяна.

С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) лично релевантные информативные жанры (гармоничные – *свадьба, соглашение* – и дисгармоничные – *выговор, ультиматум*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект)². Косвенность этих информативных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и, как неизбежное следствие, в переводе части (информативной) имплицатуры в имплицитный план.

Всё это выводит нас на одну из главных проблем коммуникативной компетенции – **этапов** реализации замысла, порождения высказываний. Данная проблема, активно разрабатываемая в психолингвистике, к сожалению, долгое время была на периферии жанроведения. Предлагаемая модель (имеющая в виду два основных этапа – от замысла к интенции) позволяет связывать типологию РЖ по крайней мере с тремя этапами порождения речи. Формирование РЖ включает 1) уровень выбора фатики или информатики, 2) уровень формы (степени косвенности коммуникативных средств), 3) уровень выбора межличностных отношений. Модель демонстрирует (по принципу генеалогического древа), что жанры тем менее родственны, чем на более раннем уровне (на более толстых ветвях древа) разошлись.

Предлагаемая типология обнаруживает связь с еще одной очень важной условной шкалой – противопоставление “верха” и “низа” пространства разговорной речи. Жанры “верхнего уровня” (к ним

2 Кстати, именно так определял цель косвенных речевых актов Дж. Серль [Серль 1986: 201]. Косвенность вообще рассматривалась преимущественно в информативной речи. По-видимому, существующее определение косвенности должно быть подвергнуто коррекции при анализе фатической речи. Однако данная проблема требует самостоятельного исследования.

следует отнести тост, комплимент, светскую беседу, анекдот, флирт и т.п.) предполагают специальные риторические умения. Этим жанрам люди обучаются специально; владение ими демонстрирует достаточно высокий уровень языковой компетенции, который позволяет говорить не только о риторической грамотности, но и об элементах эстетики словесного творчества. “Нижний уровень” живого организма бытового общения составляют жанры, которым специально языковая личность не обучается (сплетничание, разговор по душам, ссора и т.п.); они бессознательно, помимовольно впитываются представителем конкретного этноса подобно фактам родного языка.

Основным критерием для выделения таких полярных семантических образований является степень осознанности / неосознанности речевого поведения, которая, естественно, соотносится с параметром официальности, или публичности, общения. Относительно выбора внутрижанровых стратегий (речь о которых идет в следующем разделе) здесь можно указать на закономерность: в жанрах, тяготеющих к нижнему полюсу, языковая личность сохраняет речевую индивидуальность; в жанрах, тяготеющих к верхним слоям бытовой коммуникации, выбор языковых средств зависит от аудитории, к которой обращена речь.

В заключении данного раздела выскажем предположение об универсальном характере предлагаемой типологии. В частности, рассмотрение русского и польского языкового материала показало как наличие 5 типов ФРЖ, так и отношений симметрии в обеих национально-речевых культурах.

5. Варьирование

При том, что жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое такое жанровое действие уникально по своим свойствам. Разные жанры предоставляют участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы – в разговоре по душам и совершенно другая – в семейной ссоре. Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется *стратегиями и тактиками* речевого поведения. Анализ речевого материала показал, что фатические и информативные речевые жанры предполагают различные принципы выделения стратегий и тактик.

Стратегии внутрижанрового поведения фатического общения зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение. Мы предлагаем различать языковые личности на основе особенностей их речевого поведения в конфликтной коммуникативной ситуации (см. Седов 1997; 1998). Психологический механизм коммуникативного конфликта связан со статусно-ролевой структурой поведения людей. Его наглядно демонстрирует так называемый трансактный анализ, разработанный американским психологом Э. Берном (1988). Напомним суть концепции Берна. Сознание каждой личности распадается на три ролевых слоя, три Я-состояния, одно из которых она испытывает в тот или иной момент своей деятельности: РОДИТЕЛЬ (Р), ВЗРОСЛЫЙ (В), ДИТЯ (Д). Дитя – источник наших желаний, влечений, чувств. Здесь концентрируются радость, интуиция, творчество. Родитель – другой полюс сознания. Это авторитарное начало, носитель незыблемых моральных правил и этикетных норм, диктующих, как именно нужно поступать в той или иной ситуации. Взрослый – носитель рационального начала. Эта ипостась личности отвечает за беспристрастный анализ любой жизненно важной информации, на основании которого человек строит свои взаимоотношения с реальным миром. Взрослый контролирует действия Родителя и Дитя, выступая в образе посредника между ними.

Указанные состояния личности влияют на своеобразие межличностной коммуникации. Общаясь, мы невольно надеваем одну из трех масок. То, какая грань языкового сознания будет повернута к собеседнику, в немалой степени зависит от статусно-ролевых отношений между участниками общения.

По Берну, процесс речевого взаимодействия можно разложить на элементарные составляющие – трансакции, каждая из которых содержит в себе коммуникативные стимул и реакцию. В реальном общении одна трансакция может нести различные комбинации Я-состояний собеседников. Успешность процесса межличностной коммуникации гарантируют параллельные, равноправные трансакции: Р–Р, В–В, Д–Д. Примеры таких трансакций: разговор пожилых людей о недостатках современной молодежи (Р–Р), обсуждение доклада на научной конференции (В–В), диалог студентов, собирающихся сбежать с последней лекции (Д–Д). Иной тип параллельных трансакций – тип психологического неравноправия

(Р–Д, Д–Р). Это взаимодействие опеки, заботы, подавления или, наоборот, восхищения, подчинения, беспомощности. Примером такой коммуникации могут быть отношения отца и сына, научного руководителя и аспиранта и т.п.

Конфликтные отношения возникают в результате непараллельных трансакций, когда, например, один участник общения пытается строить взаимодействие на основе равноправия, а другой, не принимая заданную модель, обращается к собеседнику сверху вниз (Р–Д), либо снизу вверх (Д–Р). Ситуации подобного рода несут в себе элементы активного протеста одного из говорящих против речевого поведения собеседника. Развитие коммуникативного конфликта нередко обретает очертания одного из наиболее распространенных фатических жанров разговорного общения – *бытовой ссоры*.

Приведем для иллюстрации реальный диалог мужа и жены, который перешел в ссору:

Жена. – Ты не мог бы мусор вынести?

Муж. – Вечно ты мне заниматься не даешь!

Ж. – От твоих занятий – толку нет: только бумагу переводить!

М. – Это ты забросила науку! Чтобы я тоже квалификацию потерял – Этого ты хочешь?

Ж. – А из-за чего я заниматься перестала? Если бы ты по хозяйству помогал мне...

М. – Наше хозяйство – не такое уж большое дело!

Ж. – Ты им не занимаешься – потому так считаешь!...

Психологическая подоплека конфликта заключается в возникновении у участников общения внутреннего напряжения, которое требует разрядки, “выпускания паров”. Колкости, которыми обмениваются враждующие стороны, есть не что иное, как попытка разрядиться за счет собеседника.

Разнообразие языковых форм, употребляемых в состоянии конфликта, на наш взгляд, можно свести к трем типам речевых стратегий:

1. *инвективная стратегия* конфликтного поведения демонстрирует пониженную семиотичность: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций;

2. *куртуазная стратегия*, наоборот, отличается повышенной степенью семиотичности речевого поведения, которая обусловлена тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия;

3. *рационально-эвристическая* стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным способом.

Каждый из представленных типов несет в себе свой способ катартической разрядки, снятия напряжения. В первой разновидности такая разрядка реализуется при помощи прямой вербальной агрессии. Во второй преобладает эмоция обиды. В третьей смеховой катарсис осуществляется в виде иронии.

Для иллюстрации возьмем типичную конфликтную ситуацию, которая часто возникает в семье: муж ищет свои носки, что вызывает крайнее раздражение жены.

Муж. – *Ты случайно не знаешь, где мои носки?*

1. (Инвективный тип) Жена. – *Иди ты к черту со своими носками! Я тебе не домработница!*

2. (Куртуазный тип) Жена. – *Если тебе не трудно, будь так добр, клади свои носки на место!*

3. (Рационально-эвристический тип) Жена. – *Это, конечно, враги сперли. ЦРУ похитило.*

Все три типа ответов даются с позиции берновского Родителя.

Речевая стратегия выбирается говорящим бессознательно. Она служит отражением своеобразия языкового сознания человека и, по нашему мнению, позволяет классифицировать языковые личности. Индивид, ведущий себя в конфликтной ситуации в соответствии с намеченными типами поведения, обычно проявляет сходные черты и в иных речевых сферах. Поэтому можно говорить об инвективной, куртуазной и рационально-эвристической языковых личностях.

Во внутрижанровом речевом взаимодействии структура высказывания зависит не только от того, к какому типу языковой личности принадлежит субъект речи, но и от того, к какому типу языковой личности принадлежит адресат. В разных жанрах роль автора и роль адресата неодинаковы. В жанре ссоры, например, влияние языковых особенностей адресата минимально, однако причиной ссоры нередко выступает коммуникативное недоразумение, вызванных разницей в облике языковых личностей участников общения:

1. Муж (что-то раздраженно ищет) – *Черт возьми!!/ Куда в этом доме все девается!?!/*

Жена – *Не смей/ со мной разговаривать в таком хамском тоне!!/*

2. Жена (входя в квартиру) – *Я сейчас ехала/ в какой-то душегубке!!/ Это кошмар/*

что в транспорте творится!//

Муж (иронически) – *Ужас!// Вселенская катастрофа!//*

Жена – *Я не понимаю/ чему ты радуешься?!// Твоей жене чуть руку не сломали/ а ты все ерничаешь!//*

3. Жена – *Ой/ что-то я сегодня себя плохо чувствую...//*

Муж (иронически) – *Бедняга!// Ложись/ и сделай бай-бай!//*

Жена – *Скотина!// Это ты целыми днями дрыхнешь/ а я на всю семью вкалываю!//*

В первой ситуации муж принадлежит к инвективному типу, жена – к куртуазному; во второй куртуазная жена выражает недовольство рационально-эвристическим стилем общения мужа; в третьем примере конфликт намечается в результате несоответствия: жена – инвективный тип, муж – рационально-эвристический (переход ОС → ОА).

Иначе обстоит дело в другом жанровом образовании – в коммуникативной ситуации комплимента. Чтобы вызвать у собеседника положительные эмоции, нужно хотя бы в общих чертах представлять себе его личностные особенности и, в том числе, – особенности его языковой личности. Наблюдения показывают, что один и тот же мужчина разным женщинам говорит комплимент по-разному:

1. (Адресат – инвективная личность) – *Ну/ ты красотка/ просто класс!//*

2. (Адресат – рационально-эвристическая личность) – *Да/ ты сегодня хорошо выглядишь!//*

3. (Адресат – куртуазная личность) – *Вот смотрю я на тебя/ и люблюсь!// Просто глаз радуется!//*

Можно отметить, что в первом комплименте говорящий использует эмоциональную лексику, во втором он ограничивается констатацией факта, а в третьем облакает похвалу в весьма изощренную форму косвенного высказывания.

На выбор внутрижанровой стратегии в построении *колкости* влияют оба компонента ситуации общения: и фактор адресанта, и фактор адресата:

– *Я тебе сочувствую!//*

– *В чем?//*

– *Ну/ ты понимаешь/ о чем я говорю!//*

– *Нет/ не понимаю!//*

– *А ты подумай/ на досуге!//*

Свобода речевого поведения говорящего в рамках жанрового сценария состоит не только в выборе внутрижанровых стратегий. В

разворачивании фабулы внутри жанра можно наметить различные сюжетные ходы, объединяющие конкретные темы и достаточно обобщенные мотивы в целостное ритуальное действие. Такие сюжетные повороты речевого поведения в рамках жанра общения мы называем *внутрижанровыми тактиками*. Каждый речевой жанр имеет свой набор подобных тактик. Проиллюстрируем феномен внутрижанровых тактик на примере жанра ссоры.

Собранный материал позволил нам выделить восемь тактик, используемых в жанре бытовой ссоры: *возмущение, насмешка, колкость, упрек, обвинение, оскорбление, угроза*, например: *тактика возмущения*: – Ты че/ сбесился!?!// Совсем что ль одурел!?!//; *тактика насмешки*: – Бедняга/ оголодала// Не пойму только/ чтой-то тебя все разносит?!// Видать/ с голодухи// (муж жене, в ответ на ее жалобы о том, что ей некогда пообедать); *тактика угрозы*: – Еще одно слово/ и я подаю на развод!//.

В реальных ссорах тактики могут быть представлены в разном объеме: ссора может содержать весь набор тактик или же обходиться двумя-тремя. Как показал собранный материал, можно говорить о предпочтениях в выборе жанровых тактик, которое связано с особенностями языковых личностей участников общения. Так, оскорбления и угрозы в ссоре чаще используются инвективными личностями, упреки и демонстрации обиды больше подходят личностям куртуазным, а рационально-эвристические языковые личности будут тяготеть к насмешкам и колкостям.

* * *

Эти рассуждения относились к фатическим РЖ. Что касается информативных РЖ, то здесь стратегии внутрижанрового речевого поведения представляют собой вертикальную типологию. Потому нам представляется удобным рассмотреть выделенные типы внутрижанровых стратегий информативного общения на материале речи детей школьного возраста. Исследование базировалось на сопоставительном анализе устных речевых произведений информативной тональности (записанных на магнитофон рассказов о фильмах), выполненных детьми трех возрастных групп: 6-7, 10-11 и 15-16 лет. Все рассказы призваны выполнить однотипные коммуникативные задания: вербально передать собеседнику содержание серии визуально созерцаемых событий, которые известны говорящему, но неизвестны

слушателю. Рассманализировались такие особенности текстовой референции, как введение слушателя в референтную ситуацию, пространственная и временная актуализация, референция имен, входящих в текст, и структура кореференции.

Анализ полученного нами речевого материала позволяет выделить две глобальные коммуникативные стратегии дискурсивного поведения: *репрезентативную*, или изобразительную, и *нарративную*, или аналитическую.

Репрезентативная стратегия построения дискурса в своем целеполагании имеет установку на *изображение* в дискурсе неязыковых ситуаций. Здесь мы сталкиваемся с наименьшей степенью авторизации текста, отсутствием аналитизма и оценки. Рассказ в рамках подобной прагматической стратегии в своих крайних формах строится таким образом, будто говорящий и адресат речи одновременно созерцают изображаемые события, находясь внутри сюжетного хронотопа. Репрезентативная стратегия подразделяется на подтипы: *репрезентативно-иконический* и *репрезентативно-символический*.

Репрезентативно-иконическая стратегия речевого поведения предполагает изображение событий путем их показа, для чего обычно используются иконические коммуникативные элементы: невербальные компоненты общения, звукоизобразительные средства общения, дейксисы и т.п. Коммуникативная ситуация здесь строится таким образом, будто говорящий (автор) и слушатель (адресат) одновременно созерцают моделируемую в речевом произведении действительность.

Репрезентативно-символическая стратегия ориентирована на моделирование действительности сугубо языковыми средствами, с опорой главным образом на произвольные знаки разных языковых уровней. Дискурс строится на основе контекстной организации речевого целого, где предложения связаны не с изображаемой ситуацией, а с предшествующим текстом. Моделирование действительности в этом случае опирается на создание лингвистическими средствами пространственно-временного континуума, включающего адекватную идентификацию лиц и предметов. Точка зрения автора (слушателя) в ходе развертывания действия следует за развитием сюжета, находясь внутри текстового хронотопа, однако отсутствуют

какие-либо элементы анализа действительности и оценки изображаемых фактов.

Нарративная стратегия формирования текста несет в себе языковое отражение действительности более высокой степени абстракции. Выполнение коммуникативного задания строится с установкой на перекодировку имеющейся информации, а не на изображение ситуации языковыми средствами. Нарративная стратегия тоже подразделяется на два подвида: **объектно-аналитический** и **субъектно-аналитический**.

Объектно-аналитическая стратегия предполагает не только изображение каких-то элементов реальной действительности, но и подачу фактов и событий через призму таксономической обработки. Основное содержание дискурса передается с опорой на сформированный лингвистическими средствами хронотоп, однако точка зрения автора (слушателя) находится вне пространственно-временного континуума. Рассказ содержит аналитические характеристики объектов изображения.

Субъектно-аналитическая стратегия представляет собой не столько модель действительности, сколько субъективно-авторский комментарий к изображаемым событиям и фактам. Точка зрения субъекта речи и слушателя находится на метауровне, обретая материализацию в метатекстовых вставках.

Устные дискурсы 6-7-летних детей в выборе коммуникативной стратегии тяготеют к репрезентативным принципам построения прагматической ситуации. В построении локально временной актуализации можно констатировать отсутствие соответствия изображаемых событий и координат реальной действительности. Большинство рассказов представляют собой повествование, построенное на использовании акциональных глаголов со значением движения, конкретных физических действий. В речевых произведениях младших школьников присутствует значительные по объему фрагменты, построенные на основе иконической изобразительности. Это проявляется в активном использовании детьми этого возраста как невербальных компонентов общения, так и звукоизобразительных элементов, которые в дискурсах выступают эквивалентами акциональных глаголов – звуковых жестов:

Вот/ они там делали// Специально такой аэродром/ около речки// Эт был нерусский фильм// Вот// Сделали такой космодром// Вот// А там ракета// Они сделали ракету//

И специально такой заброшенный дом/ был там// И они туда зашли// Вот// А там все сделали управление// Вот// Сделали ракету// Зайца такое/ взяли// Кролика туда посадили// Такое/ закрыли// Все топливо туда заделали// И включает такое/ включает// Она такая поехала// Эт такая бу-бу-х// Заяц такой из ракеты/ щ-щи-ик// Весь черный/ от топлива// Ракета взорвалась/ сгорела// Так такие пошли за едой/ еще готовить ракету/ домой к себе// Видят/ один мальчик увидел/ что там эта/ летит кто-то//...

Спонтанные рассказы 10-11-летних подростков демонстрируют увеличение числа используемых коммуникативных стратегий. Репрезентативная стратегия по-прежнему выступает в качестве основного принципа передачи информации. Значительный объем дискурса строится на основе сюжетного повествования о конкретных событиях. Однако необходимо отметить изменения в характере изобразительности. Иконические элементы дискурса уходят на периферию речевого поведения. Уменьшается роль и информативное значение невербальных компонентов общения. Действительность изображается здесь главным образом узуально-языковыми средствами. В структуре речевых произведений школьников этого возраста можно найти и фрагменты, построенные на основе нарративного принципа подачи информации. Обычно они представляют собой сообщения о фактах, не имеющих прямого отношения к изображенным в фильме событиям, находящимся вне хронотопа произведения: иногда это далекое по отношению к основным событиям прошлое, способное так или иначе прояснить логику сюжетного развития картины. Позиция созерцателя во фрагментах, созданных на основе объектно-аналитической стратегии, формируется таким образом, что точка зрения слушателя выводится из рамок хронотопа в метауровень.

А там был/ один дяденька такой здоровый/ Капелька// Он там самбист// Ну в общем сильный человек// Вот/ он там очень здорово дрался// Он поехал на машине// Он подъехал// Машину поставил// А ему в машину подложили мину// А когда он приехал на машине.../ а там/ такой дяденька/ ну старик такой/ играл на скрипке// А сам магнитофон запазухой включает// Включает и делает вид/ что играет// А ему платят// Вот он подъехал к этому скрипачу// Вы не сможете мне починить машину// Тут прям машина разорвалась// Такой взрыв дж-ч-ч-ч//

Рассказы старших – 15-16-летних – подростков демонстрируют наибольшее разнообразие коммуникативных стратегий. Дискурсы старшеклассников, как и речевые произведения средних и младших школьников, по большей части являются реализацией

репрезентативной стратегии речевого поведения. Они представляют собой сюжетное по преимуществу повествование, в основу которого положена модель реальных времени и пространства. Однако в изобразительных фрагментах меняется пропорция иконических и символических форм. Бросается в глаза, во-первых, уменьшение объема текста, реализующего репрезентативно-иконическую стратегию, во-вторых, изменение функции иконических элементов: они, как правило, играют сугубо экспрессивно-стилистическую роль.

В одном штате/ значит/ такой/ где-то у границы/ есть два друга/ которые/ значит/ они пограничники// И вот значит/ в этом штате/ надзор ведут// Эт/ значит/ сильные/ лихие ребята/ которые/ значит/ стреляют из винчестера с одной руки// Ездют на своих газиках/ у них/ эт самое/ джипы//... У них почему такая родилась идея// Один из этих/ сел// Из этой группы// Ну/ он других не выдал/ в надежде на то/ что деньги дадут/ когда он выйдет// Немножко дали// Ну/ потому как ему сказали/ что он ниче не получит/ он заложил их// Они решили/ как будто ниче не получается/ это// Решили их сразу не брать/ потому что/ могла половина уйти// Решили внедрить своего человека/ милиционера//...

Таким образом, вектор развития языкового сознания отчетливо направлен от репрезентативных способов передачи информации к нарративным.

Речь ребенка, стоящего на пороге школьного детства (6-7 лет), ориентирована на репрезентативные способы моделирования действительности. В своем спонтанном рассказе первоклассник стремится не просто передавать информацию, а копировать факты реальной действительности доступными ему вербальными и невербальными коммуникативными средствами. Речевое поведение младших подростков (10-11 лет) демонстрирует и иные способы передачи информации, кроме тех, которыми овладел младший школьник: в рассказах детей этого возраста можно встретить и аналитический принцип построения дискурса.

Необходимо особо отметить то, что каждая новая коммуникативная стратегия дискурсивного поведения не заменяет ранее освоенную. По мере становления языковой личности школьника увеличивается багаж его речевых возможностей, способов речевого моделирования фактов реальности. Однако, сохраняясь в коммуникативном репертуаре, разные речевые приемы могут несколько изменять свою функцию. Так, например, средства иконической изобразительности в речи старших подростков (15-16 лет) играют экспрессивно-стилистическую, а не информативную роль. Основным же приобретением подростко-

вого возраста нужно считать различные виды нарративной стратегии речевого поведения. Здесь также наблюдается определенная последовательность в овладении способами передачи информации: сначала школьники овладевают объектно-аналитической стратегией, позволяющей обобщать изображаемые в рассказе факты, и только потом в их дискурсах появляется отчетливо выраженная оценочность, которая служит отличительной чертой субъектно-аналитической стратегии.

* * *

Подводя итог сказанному, мы хотели бы подчеркнуть, что важной отличительной чертой социопрагматического аспекта жанроведения является его связь с "человеком говорящим", что проявляется в значимости для всех используемых моделей отношения "Автор ~ Адресат" (межличностная близость как основание типологии фатических и отчасти информативных РЖ; выделение внутрижанровых речевых стратегий и тактик в связи с типами языковой личности). Поиск адекватных моделей жанрового структурирования речевого материала привел авторов к выделению типов речевых жанров, гипержанров, внутрижанровых речевых стратегий и тактик на таких основаниях, как фатическая / информативная модальность; прямая / непрямая коммуникация; повышенная / пониженная семиотичность коммуникативного поведения языковой личности. Следует отметить, что данные содержательные измерения представляют собой скорее некие динамические нежесткие образы типичных коммуникативных ситуаций, нежели структурные схемы инвариантно-вариантного типа, определяемые с точки зрения речевых действий одного говорящего (как известно, по этой линии идет основное разграничение истинных и мнимых жанров).

Литература

- Арутюнова Н.Д. 1992, *Жанры общения – Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*, Москва.
- Балаян А.Р. 1971, *Основные коммуникативные характеристики диалога. Автореферат дисс... кандидата филологических наук*, Москва.
- Баранов А.Г. 1997, *Когнитивность жанра*, "Stylistyka" VI.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. 1992, *Иллокутивное вынуждение в структуре диалога*, "Вопросы языкознания", № 2.

- Бахтин 1927, Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) *Фрейдизм*, Москва 1993.
- Бахтин 1929, Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) *Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке*, Москва 1993.
- Бахтин М.М. 1996, *Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе "Проблема речевых жанров". Проблема текста.* – Бахтин М.М. *Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Москва.
- Бахтин М.М. 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Берн Э. 1988, *Игры, в которые играют люди*, Москва.
- Винокур Т.Г. 1993, *Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего – Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*, Москва.
- Гак В.Г. 1972, *Высказывание и ситуация.* – *Проблемы структурной лингвистики*. 1972, Москва.
- Гаспаров Б.М. 1996, *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва.
- Гольдин В.Е. 1997, *Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи – Жанры речи*, Саратов.
- Дейк ван Т.А. 1989, *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва.
- Дементьев В.В. 1997, *Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике*, "Вопросы языкознания" №1.
- Дементьев В.В. 1997а, *Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров.* – *Жанры речи*, Саратов.
- Дементьев В.В. 1998, *Фатические речевые жанры*, "Вопросы языкознания" №6.
- Матвеева Т.В. 1996, *Тональность разговорного текста: три способа представления*, "Stylistyka" V.
- Мурзин Л.Н. 1994, *Язык, текст и культура.* – *Человек – текст – культура*, Екатеринбург.
- Одинцов В.В. 1980, *Стилистика текста*, Москва.
- Орлова Н.В. 1997, *Жанры разговорной речи и их "стилистическая обработка". К вопросу о соотношении стиля и жанра.* – *Жанры речи*, Саратов.
- Остин Дж. Л. 1986, *Слово как действие.* – *Новое в зарубежной лингвистике*, Москва, вып. 17.
- Седов К.Ф. 1997, *Внутрижанровые стратегии речевого поведения: "ссора", "комплимент", "колкость".* – *Жанры речи*, Саратов.
- Седов К.Ф. 1998, *Анатомия жанров бытового общения.* – *Вопросы стилистики. Человек и текст*, Саратов, вып.27.

- Седов К.Ф. 1998а, *Структура устного дискурса и становление языковой личности. Грамматический и прагмалингвистический аспекты*, Саратов.
- Серль Дж.Р. 1986, *Косвенные речевые акты. – Новое в зарубежной лингвистике*, Москва, вып. 17.
- Теория функциональной грамматики* 1992, *Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*, Санкт-Петербург.
- Федосюк М.Ю. 1997, *Нерешенные вопросы теории речевых жанров*, "Вопросы языкознания", №5.
- Шмелева Т.В. 1997, *Модель речевого жанра. – Жанры речи*, Саратов.
- Ballmer Th., Brennenstull W. 1981, *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*, Berlin etc.
- Gajda S. 1991, *Gatunki wypowiedzi potocznych. – Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych*, Opole.
- Harweg R. 1968, *Pronomina und Textkonstitution*, München.
- Stiles W. 1981, *Classification of Intersubjective Illocutionary Acts. – Language in Society*, vol.10.
- Viehweger D. 1976, *Semantische Merkmale und Textstruktur. – Daneš F., Viehweger D. (Hrsg.) Probleme der Textgrammatik (OStudia grammatica XI)*. Berlin.
- Wierzbicka A. 1983, *Genry mowy. – Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, Wrocław.

A Sociopragmatic Aspect of Speech Genres Theory

The authors consider this aspect to be a modern development of a main line of the genre theory, which was outlined by M.M. Bachtin. In the article there is a consideration of a development of Russian theory of genres in a semiotic paradigm "semantics – syntactics – pragmatics". The search for adequate patterns of the genre constructing of speech material results in a genre typology, consists of speech genres, macrogenres, strategies and tactics within genres on such grounds as a fatic/informative modality; a quantity of interpersonal relationships; high/low verbalization of a communicative behavior of a language personality.